

ЗДОРОВО, СУРОВЫЙ ШТАТ АЙОВА!

По пути из сыкатно-зимнего Петербурга я наслаждался возможностью в Амстердаме 5 января промокнуть под весенне-проливным дождем при 12 градусах тепла. Фотоаппарата у меня еще не было, а рисовать на ветру под дождем не казалось очень заманчивым, когда была альтернатива — посетить знаменитый Рикс-музей и посмотреть Рембрандта в городе, где он жил. Рембрандт, конечно, там замечательный, но, пожалуй наша эрмитажная коллекция его работ не хуже. Немного разочаровал мой любимый Франс Хальс. Некоторые его работы, правда, выставленные не в самых парадных залах, оказались очень уж случайными и поверхностными — не тот случай, когда можно говорить о свободе и одновременно точности. Здесь была скорее небрежность — и только. Впрочем, там же есть и такие работы этого мастера, благодаря которым он оказывается над временем и географией, работы, в которых действительно воплотились данные ему откровения — откровения, которые присущи гениям любой национальности. (Позже в Нью-Йорке я опять видел Хальса именно этого высшего уровня.) Главное же впечатление от Амстердама — какое-то мистическое очарование от небольших холстов Вермеера. Словами это не объяснить и не выразить. Конечно, ему тоже было дано от Бога понять, показать и внушить зрителям высшую мудрость — что Божий мир прекрасен в самых скромных, самых обыденных проявлениях.

Расставшись с голландскими гениями в промозгло-теплом Амстердаме, с помощью самого большого "Боинга" (с 10-ю креслами в одном ряду) мы пересекли океан. Он был полностью закрыт облаками, но я, тем не менее, в основном провел 8 часов полета, уставившись в окно — в этом пересечении пространства тоже заключена какая-то мистика — мистика превращения невероятного в действительность.

Хотел было сказать, что Америка встретила нас звездным небом, но это, конечно же, неподходящий штамп, поскольку звездное небо было над нами в течение всего полета. А вот из-за ненастья под нами маршрут изменили, и мы летели ближе к северу, так что кроме звезд я видел заморожившее меня северное сияние. Как ни странно, больше это видение ни на кого впечатления не произвело. Может, русские студенты смогли бы оценить такое зрелище, но они сидели в середине салона, а мои соседи американцы и австрийцы больше были заинтересованы грандиозными явлениями природы на громадном экране телевизора — показывали какой-то американский триллер с катастрофами в океане (забавная психологическая находка, как снять страх и вообще стресс от такого длительного полета). Над Америкой или, точнее, между американской землей и нами облаков не было, и я смог оценить разительный контраст между Канадой и США. Вечерняя Канада была лишь кое-где украшена исключительно редкими и неяркими огнями каких-то отдельных селений. Как только мы, пролетев

над черными водами Великих озер, оказались над американской сушей, увидели другой океан — океан огней, которые где-то сгустились над городами, где-то становились прозрачной вуалью, но нигде не давали места черным паузам в этом покрывале света.

Кроме света, Америка встретила нас настоящим январским морозом — было градусов под 20, но тогда я еще не умел переводить "ихнего" Фаренгейта в «нашего» Цельсия. Зима здесь оказалась гораздо более снежная и морозная, чем в наших Аляско-сравнимых краях.

Полтора дня по приезде я волновался по поводу пропажи моей 30-килограммовой сумки почти со всеми материалами для живописи, но ее все-таки нашли где-то в Амстердаме и доставили прямо мне на квартиру. Говорят, задержка багажа — довольно обычное явление. Замечу, что, несмотря на дополнительную упаковку, моя поклажа доехала в весьма потрепанном виде, особенно купленный в Швеции чемодан. Так что лучше не пижонить, а выбирать сумки и чемоданы попроще и покрепче.

Квартира эта оказалась лучше во всех отношениях, чем мое петербургское жилье. Просторная (3 комнаты, точнее, 2 спальни и большой холл, часть которого оборудована под кухню). На кухне большущий холодильник, громадная плита, очень большая микроволновка, две кофеварки и т.д. Все эти увеличительные суффиксы и степени действительно очень типичны для Америки, по крайней мере, малых городов Среднего Запада.

Правда, студенты, среди которых наши молодые педагоги или аспиранты, проходящие здесь магистерский курс, живут в гораздо более скромных условиях — в двухместных комнатах с соседом, выбор которого не зависит от желания этих студентов. По крайней мере, нашим молоденьким студенточкам пришлось столкнуться с тем, что их американские соседки могут жить вместе с любовниками, а к жизни втроем наши, слава Богу, еще не готовы. Один из наших студентов-юношей страдает от невозможности выспаться из-за чудовищного храпа его американского соседа, который все делает помногу: много есть, много спит, много храпит — вот только мало ходит на занятия и мало заботится о том, что он живет не один на свете.

Здесь, к сожалению, много очень толстых молодых людей, которые, как ни странно, довольно легко двигаются. Но, конечно, в совсем недалеком будущем их ждут серьезные проблемы со здоровьем, и никакие "Бьюики" с "Шевроле" их жизнь не смогут сделать не то что комфортной, но хоть как-то похожей на нормальную. Эту проблему здесь осознают и здоровью студентов да и вообще здоровью нации стараются уделять как можно больше внимания. Здесь нет рекламы сигарет, а есть душераздирающие ролики по телевидению, в которых брат «человека с мальборо» говорит о том, как закончил этот обаятельный символ Америки — закончил тяжелой смертью от

Из окна самолета. Весенний разлив Миссисипи

рака легких. В столовой много фруктов, овощей и призывов есть эти продукты. Рядом с учебными и жилыми корпусами расположен так называемый Уэлнесс-центр («Центр здоровья»). Это грандиозный спортивный комплекс с бассейнами, различными спортивными залами для самых разных видов спорта, тренажерами и очень популярной здесь искусственной скалой для скалолазания. Для студентов и для нас, иностранных педагогов-визи-теров, это удовольствие совершенно бесплатное — не только посещение, но даже всевозможные ракетки (для сквоша, бадминтона, настольного тенниса), особые тапочки и шлемы для скалолазания и т.д. Приходить можно почти в любое время — без строгого указания, кто в какой сеанс вписывается. Бывает, правда, собирается много народу в плавательном бассейне, но все равно меньше, чем у нас в подобных заведениях. Вода, надо сказать, в спортивном бассейне менее хлорированная, чем в России, а вот в развлекательном и особенно в джакузи с таким содержанием хлорки, что купальники, говорят, обесцвечиваются — я, правда, туда не wszel и сам свидетельствовать не могу.

Но вернусь опять к гастрономическим впечатлениям. Забавно, но наша еда здесь может быть особо ярким подтверждением того, как быстро люди привыкают к хорошему, особенно в молодости. В первые дни в столовой новоприехавшие русские ничего, кроме восторга, не выражали: бери, сколько хочешь, свежие помидоры, огурцы, перец, яблоки, груши. Мы, конечно, подобное можем увидеть в Петербурге, но по таким ценам, что все это сразу выходит из разряда реальности. Витрины с подобными фруктами скорее кажутся мне в Петербурге особого рода натюрмортом, украшением. А здесь все это — обыденность! Когда же я в середине января увидел клубнику, руки

Чикаго - столица американской архитектуры

задрожали от жадности. Но прошло совсем немного времени, и мои молодые соотечественники стали выражать неудовольствие: и январско-февральская дыня не такая сладкая, как у нас в сентябре, и клубника не ароматная, и бананы бывают зеленоватые. В конце концов, почему виноград не постоянно?! Я их пытаюсь урезонить, дескать, вспомните, что мы едим в это время года в Петербурге, вспомните свои первые вкусовые ощущения здесь. Заелись! Может, более справедливы их сетования по поводу горячих мясных блюд — выбор таковых действительно невелик, но меня и он устраивает. К тому же со временем я узнал, что типично американский многослойный сендвич с чем-нибудь мясным, сыром, овощами и чем еще только пожелаешь (очень даже вкусный, между прочим) можно заменить, попросив, допустим, только ветчину и сыр. Меня не перестает удивлять, что из всего многообразия напитков американские студенты чаще выбирают воду или кока-колу, а не соки. Кстати, пьют все и всегда с большим количеством льда. Мамы дают это малым детям, не боясь, что те простудятся — может, потому и не простужаются,

закалены достаточно.

Тут уместно привести еще пару свидетельств их закаленности. В лютой мороз американцы разного возраста выходят из спортивного центра в шортах, в тапочках на босу ногу и бредут не спеша по направлению к своей машине. А она может стоять за пару сотен метров — стоянок много, но машин еще больше.

Жизнь здесь, вдали от больших городов, очень уютная и спокойная. Она вызывает, может быть, излишнее ощущение надежности. После этих расслабляющих условий тяжело будет возвращаться в нашу нормально-сумасшедшую действительность. Здесь почти не бывает краж, скандалов, а про грабежи, насилие и убийства здесь если и вспоминают, то исключительно в связи с тем, что увидели по

В Сент-Луисе

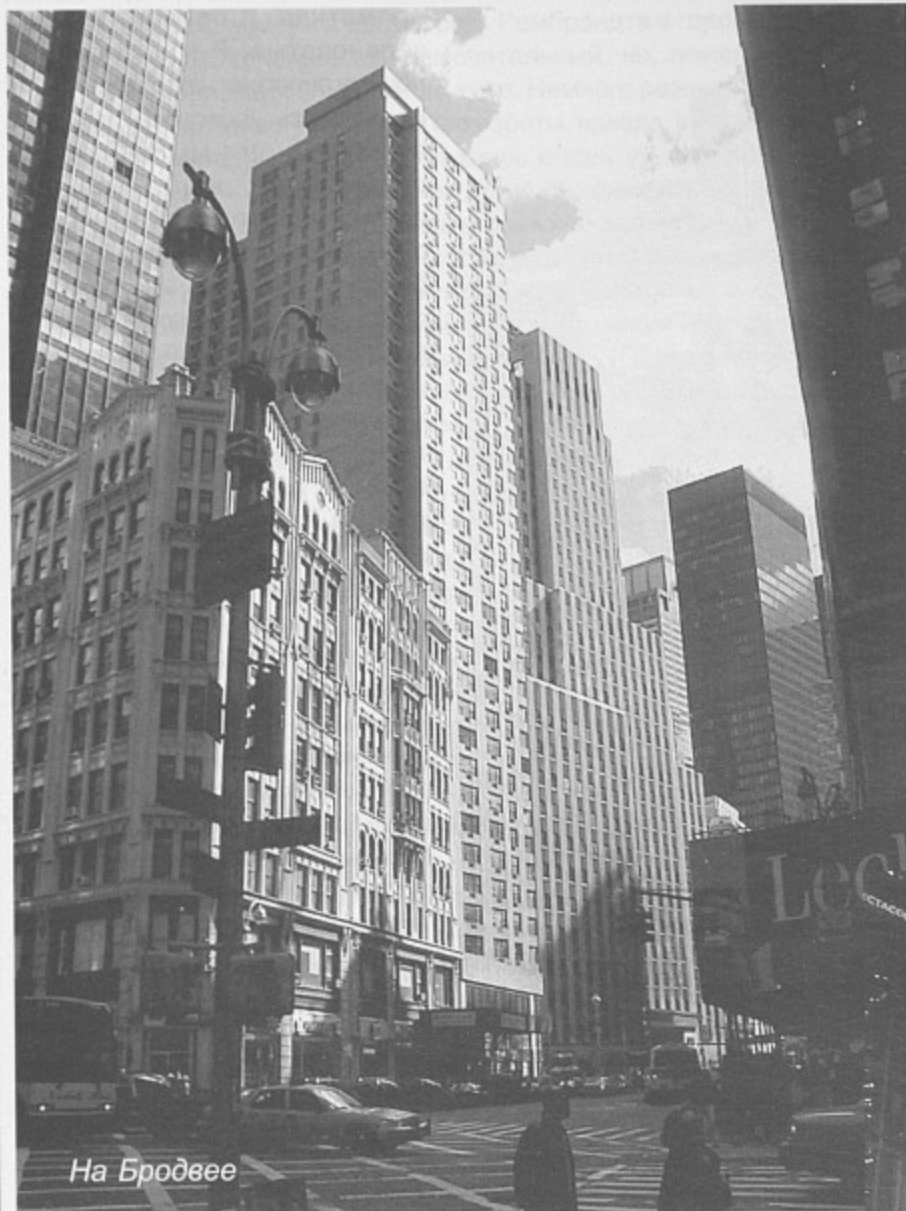
телевизору. Народ здесь приветливый и с неожиданным для меня чувством локтя. Их страшно пугают слова "социализм" и "социалистический", но здесь очень много того, что мне напоминает социалистические идеалы. Есть что-то вроде наших прежних "Домов культуры" и "Домов пионеров" с бесплатными кружками,

такая уж и легкая. Например, если для нас смерч — интересная картинка в книге или на экране телевизора, то здесь это реальная опасность. Чаще это случается на юге, и за время моего пребывания в Америке подобное случилось по крайней мере один раз — торнадо разрушил кирпичный дом. Так что в этих условиях не концентрироваться на трудностях, а воспитывать привычку радоваться жизни — завидное достоинство американского образа жизни. К тому же среди более - менее близких знакомых можно услышать и сетование с улыбкой на устах на крайнюю усталость или затянувшиеся холода. Кроме «I'm fine», «good», «great» и т.д., можно услышать гораздо более сдержанные и в некотором смысле емкие «not too bad», «pretty good» и, как я уже говорил, «I'm tired!» с протяжно-акцентированной интонацией.

Очень типична вежливость: вежливость среди водителей на дорогах, вежливость в магазинах и т.д.

К русским относятся с интересом, хотя мы здесь не такая уж диковинка. В университете, наверное, несколько десятков наших соотечественников, особенно если в их число включить граждан СНГ. Но представления о России бывают весьма для нас забавные. Так, здесь популярны коктейли «Белые русские» и «Черные русские» (водка с кофейным ликером и молоком для белого варианта), и местные были удивлены, что мы в России о таком питье не слышали — они полагали, что это наш национальный напиток. Приходилось мне опровергать представление о том, что в России только один часовой пояс (!!!).

Несмотря на все старания настраиваться на максимально доброжелательный лад, на восприятие всего в «розовом свете», один раз я сорвался — отчасти под влиянием ностальгии. Дело в том, что в те часы, которые, как мне сказали на факультете искусства, были отведены мне для регулярных лекций, проводит занятия зав. кафедрой современных языков, главный здешний руссист —

На Бродвее

некоммерческими выставками и концертами. Даже случаются своего рода субботники и воскресники.

Должен заметить, что большинство наших стереотипов об Америке и американцах не соответствует действительности. Неправдой оказались и рассказы о том, что здесь скучная жизнь и скучные пейзажи. Среди слегка всхолмленных полей расположены городки и совсем маленькие поселения, напоминающие своей архитектурой наши дачные пригороды, допустим, Парголово или Комарово. Разница в том, что нет дворцов "новых русских", нет роскоши, но и нет запустения — в основном все чистенькое и аккуратненькое, без ярких цветов — преобладают белый, светлосерый, нежно-желтый. Центры городов, так называемые даун-тауны, вызывают в памяти кадры вестернов: в основном двухэтажные дома в 2-3 окна с плоскими крышами, только здания не деревянные, а кирпичные, некоторые оштукатурены. В них ресторанчики, магазинчики, какие-то мастерские, офисы. И все это почти безлюдное. Пешеходы — совсем не типичная деталь пейзажа.

Все ездят на машинах. Детям разрешается с 14 лет ездить по строго ограниченному маршруту дом-школа-дом, а с 16 они вправе ездить повсюду. Русскому глазу совсем непривычно видеть за рулем какой-нибудь блестящей большущей машины маленькую седенькую старушку. Пожалуй, наиболее типичны здесь эдакие легковые грузовики. «Мерседесов», конечно, нет, изредка встречаются «Фольксвагены» или японские марки американского производства. А так в основном все опять-таки очень большое, современное круглое или постарее квадратно-угловатое.

В Европе можно нередко услышать ироничные замечания по поводу американской «сделанной» улыбки и вечной натянутой жизнерадостности: «I'm very good», «О.К.» — и т.д. Но мне этот способ приветствия очень нравится. Мне кажется, это замечательный способ аутотренинга, самовнушения, что все хорошо — нам дарована жизнь, а любые неприятности в сравнении с этим — мелочи. Жизнь здесь не

Таймс - сквер

американка, кажется, польского происхождения. У меня к середине моего пребывания в Америке накопилось раздражение по поводу эквивалента Россия - водка, а разрушать стереотипы в нормальных академических условиях не дают возможности. И вот когда эта руссистка стала говорить, что в Америке обеденный перерыв полчаса, а в России 2-4 часа, я не без яда выразил удивление и сказал, что это

для нас приятная новость. Конечно, из педагогической солидарности выставлять ее на посмешище не следовало.

Через две недели после инцидента в последний перед весенними каникулами день вновь у нее показывал слайды. Накануне она прислала мне довольно длинное письмо с извинениями по поводу того, что не уделяет мне времени и не развлекает меня и что, если мне скучно, я могу к ней присоединиться и куда-то сходить на ланч. Написала все это главная преподавательница русского языка по-английски. Понятно, что она теперь боится сделать какую-нибудь ошибку, но тем самым она признает, что более подходящим языком оказывается английский. Что ж, выходит, хоть это и не моя специальность, но и тут русский преподаватель сильнее — я имею в виду владение иностранным языком. А по поводу скучания я написал, что, дескать, спасибо, но я художник, и мне скучно не может быть — может быть плохое настроение, депрессия, но не скука (это я не расшифровывал).

педагогике искусства. Но я даже не знаю тему этой конференции и мог бы только поприсутствовать в качестве пассивного слушателя или, точнее, зрителя, поэтому воспользовался предложением быть свободным от посещения этой конференции. На концерты и бродвейские шоу я тоже не ходил, хоть и жил недалеко от Карнеги-холла и Медисон-сквер-гарден (на 57-й стрит между 9 и 10 авеню, это так называемый «мидтаун», т.е. еще не центр, но действительно самая середина Манхэттена). Как я понял, самый дешевый билет стоит долларов 30-40, что для нас все-таки дорого.

Но зато была возможность допоздна побыть в музее (а это оказалось бесплатно по билету Ассоциации искусствоведов, хотя один раз и вызвало сомнение у работников музея). Поэтому я предпочел провести время в основном в Метрополитен-музее, куда за три дня ходил 4 раза. Давно я не испытывал такого гипнотического действия от музейной экспозиции. Правда, там наряду с тематическими отделами много места занимают бывшие частные коллекции, сохраняя

Уголок Манхэттена (Мидтаун)

Во второй декаде марта в университетских занятиях перерыв — весенние каникулы. После аврала предыдущих дней в кампусе университета наступила тишина, которая была бы гнетущей, если бы не писание картинок и не возможность связаться с родными по e-mail или по телефону. Столовая закрыта, продукты надо покупать самому. Сначала это показалось расточительством, пока я не увидел, сколько стоят продукты в Нью-Йорке.

Становится теплее, можно больше времени проводить на улице. Солнце здесь такое, что у меня выгорели усы, а на полях тает снег даже при минусовой температуре. В воскресенье 11 марта ездил через такие предвесенние поля в Ватерлоо (каково звучит! — в США городков с таким названием ровно 10) и видел небольшое стадо оленей. Представьте: заснеженные всхолмленные поля с прогалинами, хайвеи и между ними ... олени среди бела дня. И это вовсе не заповедник, животные эти действительно дикие.

В марте несколько дней мне довелось провести в Нью-Йорке (с 15-го по 19-е). Якобы мы (группа американских студентов и двое педагогов) принимали участие в конференции по проблемам

прежний контекст. В результате работы одного и того же мастера могут быть представлены в самых разных местах, что, конечно же, затрудняет целостное восприятие. Я купил две книжки, чтобы иметь зацепку для памяти. Одна представляет полное собрание работ Вермеера, которого у нас нет и грандиозная выставка которого была открыта в это время в Метрополитене. Другая книга — о сокровищах этого музея. С огорчением должен сказать, что когда открыл эти книги чуть позже, то, несмотря на довольно приличную печать, не почувствовал ничего близкого к тому ощущению замороженности, которое я испытывал, когда стоял перед этими холстами в Амстердаме или Нью-Йорке. Все-таки есть какая-то магия, заключенная в самих работах и которая не воспроизводится в репродукциях.

Александр МАЖУГА
доцент кафедры рисунка,
член Союза художников

Все фотографии выполнены А.Мажугой

(Продолжение следует)